

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

© 1999 г., ЭО, № 1

С.Н. А б а ш и н

СТАТИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

(узбекская семья в XX в.)

Нередко можно встретить мнение, что в отличие от обычной лжи, статистика – это мощная, поставленная на научную основу, индустрия обмана. Современный мир любую сферу человеческой деятельности или человеческих страстей делает сферой бизнеса, аккумулирующей огромные материальные и интеллектуальные ресурсы. Сегодня финансируются масштабные работы по сбору и обработке большого массива цифровых данных, которые потом выплескиваются в информационное поле. Общество, охотно потребляющее все это, становится зависимым от статистической лжи как от наркотика, который выдает желаемое за действительное.

Нет смысла разбирать причины, почему статистические таблицы, графики, формулы так магически действуют на современного человека: хорошо известно, что с прошлого века научность и объективность ассоциируются с математикой. Этому есть вполне естественное объяснение: об обществе, которое быстро увеличивается в размерах (и столь же быстро усложняются некоторые стороны его внутреннего устройства) уже невозможно говорить, не обращаясь к статистике, которая позволяет оперировать большими числами. Но парадокс современности заключается в том, что чем больше возрастает роль статистики как инструмента анализа реальности, тем больше статистика становится (сознательно или неосознанно) инструментом для манипулирования представлениями о реальности.

В данной статье речь пойдет об использовании цифровых данных для обоснования теорий развития узбекской семьи. В этнографических исследованиях, посвященных семейным отношениям у народов Средней Азии в XX столетии, теория семьи была тесно увязана с представлением о двух основных типах семьи – «большой» (неразделенной, сложной) и «малой» (индивидуальной, простой, нуклеарной), статистическое соотношение между которыми рассматривалось как свидетельство в пользу того или иного взгляда на характер развития семьи.

В одной теории, которая еще совсем недавно занимала господствующие позиции в этнографии, этапы трансформации семейных и родственных связей в среднеазиатском обществе были обозначены следующим образом: «... Большие патриархальные семьи с течением времени под влиянием целого ряда причин, и прежде всего под влиянием изменения форм собственности, начинают постепенно уменьшаться в размере и ограничиваться все меньшим числом поколений, превращаясь в неразделенные семьи (...), а затем распадаются на малые индивидуальные семьи...»¹. Другими словами, по мере эволюции общества от одной исторической формации к другой, доля «больших» семей, которая вначале численно преобладала, неизбежно уменьшается, а соответственно, доля «малых» семей возрастает. В исследованиях 1950–1980-х годов подчеркивалось, что в Средней Азии доля «малых» семей уже значительно превышает долю «больших» семей, а это указывает на завершившийся в основном процесс смены одного типа семьи другим.

На рубеже 1980–1990-х годов стали происходить серьезные изменения в подходах российских этнографов к изучению общественного и семейного быта у народов Средней Азии. На примере одной из республик региона этот подход прозвучал так: «...Семья в Таджикистане испокон века существует в специфической форме, а именно в виде большого неразделенного родственного объединения (...) Как показывают полевые исследования последних лет, вопреки бытующему мнению о практически полном исчезновении или пережиточном характере подобных семей, они широко представлены в Таджикистане (...). Очевидно, что социальная структура таджикского общества в основном остается прежней...»². И отсюда вывод: отмеченный прежними исследователями рост числа "малых" семей – это фикция, существующая лишь в официальной статистике, а на самом деле «... три четверти [!] обследованных семей фактически не разделены...»³.

Итак, к сегодняшнему дню имеются две точки зрения на природу семейных отношений у народов Средней Азии, каждая из которых апеллирует к статистике. Чтобы проверить, как получается, что один и тот же материал используется для доказательства противоположных теорий, я попробую проследить основные этапы процедуры сбора данных, их обработки и анализа в соответствии с теми принципами, которые сложились в российской этнографии при статистическом описании семьи.

Сбор данных о семье

В 1989 г. я проводил исследования в сельсовете Турк-рават, который находился в Кувинском районе Ферганской области Узбекской ССР. Сельсовет Турк-рават делился на две части, каждая из которых относилась к отдельному колхозу. Местом для моей работы стали населенные пункты Корашох (включая выселок Ок-ота), Новкент, Чирмоч и Кашкар, которые находились на территории колхоза «Имени Ильича».

Еще в начале XIX в. эти земли были охотничьими угодьями ферганских правителей. Предки современных жителей пришли сюда в 1820–1840-е гг. со стороны города Коканда. Подавляющее большинство населения составляли разного рода тюркоговорящие группы. Были здесь и таджики, которые постепенно переходили на тюркский язык. На рубеже XIX–XX вв. вся эта смесь народностей имела одно общее название *сарты*. Несколько особняком стояли тюркоязычные выходцы из Восточного Туркестана (современная китайская провинция Синьцзян), носившие прозвище *кашкарлыки*. Согласно данным 1890 г. в кишлаках Новкент и Корашох было 317 сартов, 22 киргиза, 99 кашкарлыков; в кишлаке Чирмоч – 78 сартов и 9 киргизов; в кишлаке Кашкар – 50 сартов и 204 кашкарлыка⁴. В переписях первой трети XX столетия местные сарты и кашкарлыки превратились в узбеков. По неофициальным данным 1951 г. в кишлаке Корашох жили 774 узбека и 14 киргизов, в кишлаке Новкент – 450 узбеков и 13 киргизов, в кишлаке Чирмоч – 388 узбеков и 8 киргизов, в кишлаке Кашкар – 78 узбеков и 766 уйгуров (в начале нашего века выходцы из Восточного Туркестана стали официально называться *уйгурами*)⁵. В конце 1980-х годов подавляющее большинство местного населения, включая кашкарлыков-уйгуров, числилось узбеками.

В мае 1989 г. мною были собраны полные данные о составе всех семей указанных селений – так, как они были отражены в похозяйственных книгах сельсовета Турк-рават к этому времени. Кроме того, в архиве города Ферганы я нашел такие же сведения о местном населении за декабрь 1924 г.⁶ Сравнение этих материалов, временной промежуток между которыми составляет 65 лет, дает замечательную возможность проследить историю развития узбекской семьи на протяжении почти всего XX столетия.

При обработке статистических данных о семье сразу встал вопрос: что собственно нужно считать единицей для дальнейшего анализа? Официально в сельсовете велся и ведется учет не семей, а домовладений – *худжалик*. Согласно записям в похозяйст-

венных книгах сельсовета Турк-рават, на территории кишлаков, входящих в колхоз «Имени Ильича», в 1989 г. их насчитывалось 777 (Корашох – 288, Новкент – 235, Чирмоч – 94, Кашкар – 160). Подразумевается, что каждому домовладению соответствует отдельное домохозяйство, т.е. лица, оформленные в самостоятельную юридическую единицу, имеют общий бюджет и ведут совместное хозяйство. Однако это далеко не так. Чтобы встать на очередь за получением земельного надела, претендовать на товарные талоны и с другими подобными целями, местным жителям достаточно часто приходится оформлять домовладения фиктивно, при том, что фактически его члены не выделяются в самостоятельное домохозяйство. Другими словами, число официальных домовладений выше числа реальных домохозяйств. На территории кишлаков, которые входили в колхоз «Имени Ильича», как я выяснил из разговоров с информаторами и собственных наблюдений, было 664 домохозяйства, в том числе в Корашохе – 242, в Новкенте – 199, в Чирмоче – 80, в Кашкаре – 143. Правда, в целом ряде случаев приходилось принимать во внимание и взвешивать многие факторы, чтобы решить, является ли данное домохозяйство единым или оно уже разделилось на несколько новых домохозяйств. Достаточно объективных критериев в этом вопросе не существует, к тому же ситуация часто очень быстро меняется и недавно еще фиктивные домовладения превращаются в полноценные домохозяйства. Таким образом, фактических домохозяйств было примерно от 664 до 777 (ближе к первой цифре).

Похожая ситуация имела место и в 1924 г., о чем можно судить по исправлениям в хозяйственных книгах, когда два отдельных домовладения объединялись в одно с пояснением, что фактически члены двух домовладений ведут общее хозяйство. Всего в списках местных землепользователей (безземельные домохозяйства в этот список не вошли) было отмечено 461 домовладение, в том числе в Новкенте (включая Корашох) – 295, в Чирмоче – 40, в Кашкаре – 126. К сожалению, сегодня трудно оценить, насколько точно данные 1920-х годов отражали реальную картину семейных связей, поэтому в дальнейшем я вынужден использовать те цифры, которые имеются в архивных материалах, без поправки на возможные искажения.

Если вопрос о соотношении «домовладения» и «домохозяйства» можно решить, хотя и с некоторыми субъективными допущениями, то вопрос о соотношении «домохозяйства» и «семьи» выглядит практически нерешаемым. Дело в том, что обычно ни в научной литературе, ни в статистических сборниках, которые посвящены Средней Азии, эти два явления не разделяются, т.е. речь идет не о «семье» как таковой, а о «семье-домохозяйстве». При этом вся совокупность семейных отношений сводится к одному виду – хозяйственным, точнее – бюджетным связям. А между тем, если не согласиться с подобным, явно упрощенным подходом, то выводы о соотношении разных типов семьи могут оказаться совершенно иными.

Например, между отцом и сыном существует множество самых разнообразных взаимоотношений, которые быстро меняются, то укрепляясь, то ослабевая. Если хозяйственные связи уже разорваны, то духовные (совместное проведение ритуалов), пространственные (совместное проживание) и иные связи могут еще сохраняться и быть очень интенсивными. Разрыв одних связей еще не означает разрыва других.

Надо сказать, что сами узбеки ясно различают понятия «семья» и «домохозяйство». Не случайно в узбекском языке есть особое понятие *оила*, которое на русский язык переводится словом «семья»⁷. Сообщество *оила* объединяет людей по чисто родственному признаку: членами его обязательно являются родители и все их дети. При описании же хозяйства узбеки употребляют иные термины: «один котел» – *бир-козон* (социальная общность, которая воспринимается как группа родственников, вместе совершающих ежедневные трапезы)⁸ и «одни ворота» – *бир-дарвоза* (социальная общность, которая воспринимается как группа родственников, вместе живущих в одном дворе)⁹. Соответственно, в одной *оила* может быть несколько *бир-козон* и *бир-дарвоза* или же в одном *бир-козон* и *бир-дарвоза* могут объединяться несколько *оила*.

Семья (*оила*) сохраняется независимо от того, какие хозяйственные отношения

связывают ее членов в данный конкретный период семейной жизни. Когда отношения родителей и их детей достаточно тесные, т.е. интенсивность семейных связей (прежде всего в хозяйственной сфере) высокая, со стороны кажется, что все они образуют одну «большую» социальную ячейку. Когда отношения родителей и детей не очень тесные, т.е. интенсивность семейных связей низкая, со стороны кажется, что существует несколько самостоятельных «малых» социальных ячеек.

Характерно в этой связи, что этнографы так и не договорились, по каким признакам следует определять раздел родительской семьи и образование новых семейных ячеек. Обычно за полный раздел семьи принимается момент, когда брачные пары, которые образовались внутри нее, начинают вести самостоятельную хозяйственную жизнь, т.е. имеют отдельный бюджет, отдельно живут и отдельно питаются. При этом исследователи называли разные сроки отделения сына от отца: иногда через год после заключения брака¹⁰; иногда через пару десятков лет, когда женится внук¹¹; иногда после смерти главы семейства¹². Разночтения, которые возникают при определении момента раздела одной старой семьи на несколько новых семей, обусловлены тем, что в каждом из этих случаев за момент окончательного раздела принимаются различные события в истории развития отношений в семье. На самом деле все эти события являются этапами постепенной трансформации семейных отношений.

В литературе, посвященной оседлым народам Средней Азии, не раз отмечалось, что раздел чаще всего бывает неполным, незавершенным: после раздела отец и сын продолжают жить в одном дворе или даже в одном доме, пользоваться общей печью *тондир* для выпечки лепешек, сообща обрабатывать участки земли, вместе трапезничать по выходным дням и по праздникам¹³. Отделение сыновей от родителей – это всегда длительный процесс, проходящий несколько этапов, когда более интенсивные семейные связи сменяются менее интенсивными. Родители (в случае смерти отца – мать или старший брат) несут определенные обязательства перед сыном: устроить на учебу или на работу, женить и построить дом, купить машину (если есть такие возможности) и так далее. Выполнение каждой такой обязанности – это шаг в сторону постепенного отделения сына от отца. В свою очередь сын имеет обязанности перед родителями: помочь материально и морально в старости, похоронить после смерти, выплатить оставшиеся долги и так далее. Все эти наблюдения можно подытожить так: «... полный разрыв сыновей с родителями – исключительно редкий случай для разделенных семей...»¹⁴.

Обобщая сказанное, надо признать, что «семья» и «домохозяйство» – это далеко не одно и то же и, строго говоря, когда речь идет о «большой» и «малой» семьях, то подразумеваются «большое» и «малое» домохозяйство. Однако поскольку такое разделение еще не стало общепринятым, удобнее будет говорить о «семье-домохозяйстве», подчеркивая этим исключительное значение экономического фактора при определении понятия «семья» в современной российской этнографии.

Типология семей

Допустим, что удалось установить точное количество семей, взяв все-таки за основу наиболее очевидный принцип единства бюджета. Можно ли составить типологию, которая бы точно отражала структуру взаимоотношений внутри таких социальных групп? На этот вопрос нет однозначного ответа. Признаков для построения типов семьи, как уже указывалось в этнографической литературе, очень много и выбрать из них нужные сложно¹⁵.

Так, вполне, на первый взгляд, годится признак «количество членов» семьи (его используют, например, в переписях). В одной из работ, где приводились данные по населению города Бухары в 1928 г., выделялись три группы семей: 1–4 чел. – это «малолюдные» семьи, которые относятся к «малым» семьям; 5–6 чел. – это «средние» семьи, которые почти поровну делятся между «малыми» и «большими» семьями; 7–10 и более чел. – это «многолюдные» семьи, которые относятся к «большим» семьям¹⁶.

Предложенную методикку определения типа семьи по признаку "число членов" семьи можно применять с одной оговоркой: конкретные цифры каждой из трех названных групп семей должны определяться в зависимости от средней численности членов одной семьи-домохозяйства. Так, в Бухаре такая средняя численность составляла примерно 5 человек. В селениях Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар средняя численность членов одной семьи-домохозяйства составляла в 1924 г. приблизительно 4 человека. Если каждую группу уменьшить на одного человека, то распределение семей по группам будет таким: «малолюдные» (1–3 человека) – 184 семьи, «средние» (4–5 человек) – 174 семьи, «многолюдные» (6 человек и выше) – 103 семьи. Другими словами, около 60% семей можно отнести к «малым», а около 40% – к «большим».

Если исходить из того, что в 1989 г. средняя численность одной семьи-домохозяйства в селениях Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар была 8 человек, то, соответственно, нужно для более корректной оценки на 3 человека увеличить каждую из трех групп семей. Получается такая картина: «малолюдные» (1–7 человек) – 350 семей, «средние» (8–9 человек) – 127 семей, «многолюдные» (10 человек и более) – 187 семей. Следовательно, так же как и при предыдущем подсчете, около 60% семей можно отнести к «малым», а около 40% – к «большим».

Правда, здесь не обошлось без проблем. Я включил в число членов семей людей, которые в похозяйственных книгах записаны «отсутствующими». В 1989 г. в Корашохе было 104 отсутствующих (в том числе 56 юношей на службе в армии) в 76 семьях; в Новкенте – 82 отсутствующих (в том числе 23 – в армии) в 56 семьях; в Чирмоче – 43 отсутствующих (в том числе 14 – в армии) в 25 семьях; в Кашкаре – 61 отсутствующий (в том числе 15 – в армии) в 40 семьях. Другими словами, почти в каждой третьей семье несколько человек отсутствовали: кто-то уехал на год, кто-то – на несколько лет. Формально они на время своего отсутствия оказались вне повседневной семейной жизни, но фактически остались полноправными членами семьи.

Типология на основе признака «число членов» семьи – это далеко не единственно возможная типология семей. Существуют и другие методы определения статистического соотношения между «большими» и «малыми» семьями.

Насколько картина, полученная одним методом определения типа семьи, совпадает с той картиной, которую можно получить при использовании других методов? Чтобы проверить это, надо составить несколько типологий семей на основе разных признаков. Обычно этнографы для составления типологии берут либо данные о числе брачных пар (этот признак сегодня рассматривается часто в качестве основного¹⁷), либо данные о числе поколений (по этому признаку иногда отличают «неразделенную» семью от собственной «большой патриархальной» семьи¹⁸). Прочие признаки, такие как, скажем, «социальная принадлежность членов» семьи, рассматриваются при этом лишь в качестве второстепенных.

Типологии, построенные на основе признаков «число брачных пар» и «число поколений», включают в себя по два главных типа: «малая» семья и «большая» семья. Однако в каждой типологии вопрос об отнесении каждой конкретной семьи к тому или иному типу решается неодинаково, на что уже обращалось внимание специалистами¹⁹. В схеме, основанной на признаке «число брачных пар», «малой» считается та семья, в структуре которой имеется только одна брачная пара, а «большой» – та, в структуре которой насчитывается более одной брачной пары. В схеме, базирующейся на признаке «число поколений», «малой» считается семья, состоящая из одного поколения взрослых родственников, «большой» же – семья, состоящая из двух, трех и более поколений родственников.

Обе схемы в значительной мере пересекаются между собой (что, кстати, дает возможность создать комбинированную типологию, сочетающую оба упомянутых признака), т.е. семья с одной брачной парой часто имеет одно-два поколения родственников, а семья с двумя, тремя и более брачными парами часто имеет три-четыре поколения родственников. Однако есть категории семей, которые подобного рода логике не соответствуют. Это семья, в которой родитель-одиночка живет вместе

с женатым сыном (или несколькими сыновьями), реже с замужней дочерью. По одной версии такая семья должна была бы рассматриваться как «малая» (по числу брачных пар)²⁰, по другой версии – как «большая» (по числу поколений)²¹. Похожие проблемы возникают и с так называемыми «семьями братьев»: они могут быть отнесены как к типу «малой» семьи (по числу поколений), так и к типу «большой» семьи (по числу брачных пар).

Конечно, указанное противоречие носит поверхностный характер, но тем не менее, даже такое нарушение логических связей ставит процедуру анализа взаимоотношений внутри семьи в двусмысленное положение, особенно если делать из соотношения между «малыми» и «большими» семьями серьезный вывод, например, о направлении развития семейных и общественных отношений.

В 1924 г. 461 семья-домохозяйство, которые находились на территории селений Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар, делились так: 379 (82,2%) «малых» семей, 41 (8,9%) «большая» семья, 41 (8,9%) семья «промежуточного типа» (родитель–одиночка вместе с женатым сыном или замужней дочерью, а также «семья братьев»). Если приплюсовать спорные семьи «промежуточного типа» к «малым», то общее соотношение «малых» и «больших» семей будет таким: 420 (91,1%) и 41 (8,9%). Если приплюсовать их к «большим», то соотношение изменится, хотя и не принципиально: 379 (82,2%) и 82 (17,8%). Совсем иначе ситуация выглядела в 1989 г., когда 664 семьи-домохозяйства на территории колхоза «Имени Ильича» делились следующим образом: 322 (48,5%) «малых» семей, 218 (33%) «больших» семей, 124 (18,5%) семьи «промежуточного типа». Если приплюсовать спорные семьи «промежуточного типа» к «малым», то общее соотношение «малых» и «больших» семей будет таким: 446 (67%) и 218 (33%). Если приплюсовать их к «большим», то соотношение существенно изменится: 322 (48,5%) и 342 (51,5%).

Из этих приведенных данных видно, что в зависимости от того, какой признак будет положен в основу типологии семей, меняется – и иногда довольно значительно – соотношение между «большими» и «малыми» семьями.

И с к л ю ч е н и я и з п р а в и л

Существует множество ситуаций, которые упомянутые типологии и вовсе не в состоянии описать. Я хочу обратить внимание на такой случай, когда в одном домохозяйстве помимо членов семьи живет какой-нибудь другой родственник или даже несколько родственников (дядя, тетя, теща, племянник и так далее). Как рассматривать подобные отношения? Взять, к примеру, домохозяйство, которое состоит из амака (дяди по отцу) и *джиян* (племянника), их жен и детей. Следуя привычной логике, надо было бы полностью игнорировать характер родства членов этой группы. Имеются две брачные пары и два разных поколения родственников, значит речь идет вне всяких сомнений о «большой» семье. Получается, что домохозяйство, в котором живут отец и сын, совершенно ничем не отличается от домохозяйства, в котором вместе живут дядя и племянник. Дядя оказывается приравненным по своему статусу к отцу, а племянник – к сыну. Правомерно ли такое насилие над действительностью?

Отношения дяди и племянника строятся иначе, чем отношения отца и сына. Это следует хотя бы из того, что племянник не может наследовать имущество своего дяди, если у того есть свои собственные дети. Мне известны несколько случаев совместного проживания племянника и дяди в кишлаке Корашох: это временные объединения, члены которых находятся в постоянно тлеющих конфликтах друг с другом из-за имущества. Собственно этих людей объединяет в одном домохозяйстве временная неурегулированность имущественных прав. По моему мнению, включать «большую» семью, в которой живут отец и сын, а также домохозяйство, в котором живут дядя и племянник, в один тип никак нельзя (связи между дядей и племянником относятся, на мой взгляд, к разряду семейно-родственных, а не семейных, хотя они и числятся в одном домовладении или даже живут в одном домохозяйстве).

Если в 1989 г. подобных домохозяйств в селениях Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар насчитывалось немного – всего 37 (5,5%), то в 1924 г. их было 98 (21,2%). Правда, в 1920-х годах в роли «других родственников» чаще всего числились братья и сестры мужа или жены, племянники и племянницы, приемные дети. Несмотря на близкое родство с главными членами семьи, все они стояли несколько особняком, поскольку лишь находились на попечении отчима, старшего брата, старшей сестры или дяди с тетей. Это своего рода несостоявшийся вариант «большой» семьи, когда после смерти обоих родителей их несовершеннолетние дети переходили под временную опеку близких родственников. Поскольку продолжительность жизни в начале XX в. была ниже, чем в конце XX в., то и доля такого рода «псевдо-больших» семей была намного выше, чем несколько десятилетий спустя. Более того, если исходить из того, что число «псевдо-больших» семей в два раза превышало число «больших» семей, то выходит, что в 1920-е гг. обычной «малой» семье скорее противостояла такая «псевдо-большая», нежели классическая «большая» семья.

По похожему причинам нет места в типологии разведенным мужчинам и женщинам, которые в общепринятой схеме превращаются просто в неженатых и незамужних, словно между разведенной 30-летней женщиной и незамужней 20-летней девушкой не существует разницы. Всего в 1989 г. насчитывалось около 40 разведенных (10 мужчин и 30 женщин). Сказанное касается и одиноких людей, домохозяйства которых можно было бы причислить к типу «малых» семей-домохозяйств (одно поколение), но которые на самом деле должны быть выделены в особый разряд или вид семейного быта. В этих случаях признаки «число брачных пар» и «число поколений» безусловно теряют какой бы то ни было смысл. Таких в 1924 г. было 13, а в 1989 г. – 28 домохозяйств.

К этому можно добавить еще один особый случай, который редко учитывается при типологии семейных отношений. Речь идет о многоженстве. Это явление, по мусульманским законам не запрещенное, на практике встречается крайне редко и не особенно приветствуется общественным мнением (не говоря о том, что по советским законам многоженство было запрещено). Тем не менее, иногда мужчина брал себе вторую жену, например, если ему приходилось совершать регулярные длительные поездки или если первая жена не могла иметь детей. Согласно сведениям 1924 г., в селениях Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар был 21 случай двоеженства.

Наконец, совершенно особая категория лиц, которая встречается в списках членов домохозяйств в 1924 г., – это работники. Всего их было 12. Среди них встречаются и дети 10-12 лет, и подростки 14-17 лет, и молодые люди 18-32 лет, и даже взрослый мужчина 45 лет. Отнести их к членам семьи было бы неправильно. Но и полностью проигнорировать эту категорию лиц тоже нельзя. Известно, что работники, которые, кстати, часто были дальними родственниками своих хозяев, не просто занимались на временную работу и потом уходили, а нередко становились членами семьи, либо на правах приемного сына, либо на правах зятя²².

В о з р а с т н о й ф а к т о р

Типологии, которые создаются на основе признаков «число брачных пар» и «число поколений», страдают и другими пороками. Я имею здесь в виду отсутствие дифференциации семей по признаку «возраст членов» семьи. Один и тот же тип семьи может включать в себя семьи, которые самым принципиальным образом различаются между собой с точки зрения семейно-возрастных статусов их членов. С другой стороны, с точки зрения таких семейно-возрастных статусов разные типы семьи могут иметь много общего. Чтобы показать это, можно посмотреть, как возрастные классы мужчин (от 20 до 29 лет, от 30 до 39 лет и так далее – с интервалом в 10 лет) распределяются по фактору «тип» семьи.

Первый возрастной интервал – мужчины 20–29 лет. В кишлаках Корашох, Новкент, Кашкар и Чирмоч в 1924 г. по официальной информации было 203 молодых людей в этом возрасте, в 1989 г. – 558. Из них в 1924 г. 88, а в 1989 г. 319 человек

числились женатыми. Из общего числа женатых мужчин в возрасте 20–29 лет главами самостоятельных «малых» семей в 1924 г. были 44 (50%), а в 1989 г. – 18 (5,6%) человек. В состав «больших» семей, которые возглавляли родители, в 1924 г. входили 25 (28,5%), а в 1989 г. – 234 (73,3%) человека. Остальные входили в состав семей «промежуточного типа», где главой был одинокий отец или мать (или один из братьев), или относились к категории «дальних родственников».

Современные узбеки женятся в возрасте от 20 до 24 лет и старше своих жен на 2–3 года. По обычаю, лишь женатый мужчина считается действительно полноценным членом общества, поэтому чем раньше молодой человек вступает в брак, тем, по мнению окружающих людей, для него лучше. К моменту женитьбы двадцатилетний юноша, как правило, еще находится в полной материальной и психологической зависимости от своих родителей. Поэтому вполне естественно, что вновь возникшая брачная пара, которая сама себя не в состоянии обеспечить всем необходимым, не превращается сразу в самостоятельную семью-домохозяйство, а включается в состав родительской семьи.

Совсем иной была ситуация в 1920-е гг. Тогда мужчины вступали в брак позже – от 25 до 29 лет, а иногда и в более старшем возрасте. При этом возрастная разница между мужем и женой достигала 10 лет. Большинство, женившись, почти сразу же образовывали самостоятельные домохозяйства. Такой быстрый раздел объясняется не только тем, что более зрелый мужчина был в большей степени готов к самостоятельной семейной жизни, но и тем, что отделялся он часто от старшего брата или дяди, а не от родителей. Это было связано с ранней смертью родителей, которая была результатом меньшей продолжительности жизни, а также того, что мужчины в более позднем возрасте заводили детей.

Второй возрастной интервал – мужчины 30–39 лет. Согласно данным похозяйственных книг, в 1924 г. в селениях Корашох, Новкент, Кашкар и Чирмоч насчитывалось 152, а в 1989 г. – 309 мужчин этого возраста. В 1924 г. женатыми были 126, а в 1989 г. – 296 мужчин. Из этого общего числа главами «малых» семей в 1924 г. были 91 (72,3%), а в 1989 г. – 131 (44,3%) человек. В состав «больших» семей, которые возглавляли родители, в 1924 г. входили 18 (14,3%), а в 1989 г. – 87 (29,4%) человек. Остальные входили в состав семей «промежуточного типа» или относились к категории «дальних родственников».

В тридцатилетнем возрасте женатые сыновья, повышая свой социальный статус и укрепляя экономическую самостоятельность, постепенно выходят из-под опеки родителей, налаживают собственный семейный быт. Разделение семьи-домохозяйства начинается с прекращения ежедневных совместных трапез, что сопровождается разделением части доходов и расходов, перераспределением прав и обязанностей. При этом хозяйственные, бытовые, ритуальные контакты между родителями (пока они живы) и их женатыми сыновьями не прерываются, а лишь видоизменяются или становятся менее интенсивными. Более того, мне известны примеры, когда по тем или иным причинам выделившиеся было в отдельные домохозяйства брачные пары возвращаются к исходным отношениям. В 1920-е годы процесс отделения детей от родителей шел гораздо быстрее, чем в 1980-е годы.

Распад семьи по внутренним причинам, из-за конфликта между супругами, – явление очень редкое. Брачные узы у узбеков всегда были прочны. Этим объясняется низкий показатель числа разводов: в сельсовете Турк-рават, где насчитывалось до 2000 брачных пар, в 1986 г. было 9 разводов, в 1987 г. – 7, в 1988 г. – 11, в 1989 году – 13 (в действительности число разводов несколько выше, так как некоторые разводы регистрировались в других сельсоветах, а иные вообще не регистрировались). Причиной развода часто является бесплодие. Обычно разведенная женщина вторично выходит замуж только за разведенного или вдового мужчину. Разведенный мужчина вторым браком женится на разведенной или вдовой женщине, реже – на девушке, которая выходит замуж в первый раз. В 1985 г. в сельсовете Турк-рават было заключено 120 браков: из них 5 браков оба супруга заключили повторно, 3 брака один из

супругов заключил повторно; в 1986 г. было заключено 99 браков, из них 12 – повторно обоими супругами, 2 – повторно одним супругом.

Третий возрастной интервал – мужчины 40–49 лет. В 1924 г. в кишлаках Корашох, Новкент, Кашкар и Чирмоч, по материалам сельсовета, было 112, а в 1989 г. – 151 человек данного возрастного класса. Из их числа женатыми в 1924 г. были 109, а в 1989 г. – 149 мужчин. В 1924 г. главами «малых» семей были 94 (86,3%), а в 1989 г. – 91 (61,1%) человек. В состав «больших» семей, которые возглавляли родители, в 1924 г. входили 3 (2,7%), а в 1989 г. 13 (8,8%) человек. Сами возглавляли «большие» семьи 4 (3,7%) человека в 1924 г. и 19 (12,7%) человек в 1989 г. Остальные входили в состав семей «промежуточного типа», где главой был одинокий отец или мать.

Здесь я обращаю внимание на то, что в одном возрастном интервале оказались люди, которые занимали разные позиции в семейной структуре. Если у 20-летних и у 30-летних подобного рода позиции практически никак не различались, то у мужчин старше 40 лет такое единообразие исчезает: одни продолжают жить с престарелыми родителями, другие своих родителей похоронили; кто-то воспитывает несовершеннолетних детей, а чьи-то дети выросли и успели пожениться или выйти замуж. Я думаю, что такова особенность пограничной ситуации, когда один цикл эволюции семейных отношений завершается и начинается новый цикл, но уже с другим составом членов семьи.

Четвертый возрастной интервал – мужчины 50–59 лет. По официальным данным, в 1924 г. насчитывалось 75, а в 1989 г. – 187 мужчин этого возраста. Из них в семьях в 1924 г. жили 74, а в 1989 г. – 186 мужчин. Из этого общего числа главами «малых» семей в 1924 г. были 55 (74,3%), а в 1989 г. – 49 (26,3%) человек. Кроме того, в 1924 г. главами «больших» семей были 16 (21,6%), а в 1989 г. – 107 (57,5%) человек. Еще 14 (7,5%) человек в 1989 г. входили в состав «больших» семей, которые возглавляли их родители. Остальные относились к семьям «промежуточного типа» или к категории «дальних родственников».

Годам к пятидесяти от роду мужчина становится самостоятельным главой собственной семьи-домохозяйства. Примерно в этом возрасте узбеки один за другим провожают в последний путь своих родителей, а вместе с их смертью пресекаются и те отношения, которые еще поддерживали старую семейную структуру. Меняются и многие иные составляющие семейного статуса. Именно тогда, когда мужчине исполняется пятьдесят (чуть более или чуть менее), его сыновья «созревают» для вступления в брак, после чего «малая» семья превращается в «большую». Конечно, есть исключения, обусловленные конкретными причинами: то ли первыми выходят замуж старшие дочери, которые переезжают к своим мужьям, то ли женившиеся сыновья очень скоро отделяются. В таких случаях формально семья-домохозяйство по внешним признакам остается «малой», хотя по сути дела вокруг нее образуется целый комплекс семейных связей, которые по сути ближе к типу отношений в «большой» семье.

Пятый возрастной интервал – мужчины 60 лет и старше. В кишлаках Корашох, Новкент, Кашкар и Чирмоч в 1924 г., согласно официальной информации, было 64, а в 1989 г. – 100 мужчин этого возраста. В семьях в 1924 г. жил 61, а в 1989 г. – 99 человек. Из этого числа главами самостоятельных «малых» семей в 1924 г. были 38 (62,3%), а в 1989 г. – 8 (8,1%) человек. В 1924 г. возглавляли «большие» семьи 20 (32,8%), а в 1989 г. 76 (76,8%) человек и еще 1 человек входил в состав «большой» семьи, которую возглавляли его родители. Остальные были членами семей «промежуточного типа», как правило, возглавляли их, или относились к категории «дальних родственников».

В последний период своей жизни узбек никогда не бывает одиноким. Старики, которые сами себя уже не в состоянии обеспечить всем необходимым, обязательно должны быть в содержании у сыновей (по обычаю родители остаются с младшим женатым сыном, хотя случаются часто исключения из правила), в редких случаях они живут у каких-либо других родственников (дочь, внук, брат и так далее). Вид

семейных связей при этом не имеет значения: пожилые люди могут объединяться с детьми или другими родственниками в одном домохозяйстве или, оставаясь в разных домохозяйствах, поддерживать с ними тесные отношения. В любом случае младшее поколение отвечает за спокойную и достойную старость старшего поколения. Правда, отношения в такой семье становятся менее авторитарными в том смысле, что сыновья теперь не находятся в полной материальной и моральной зависимости от родителей, как это было раньше, а наоборот, родители оказываются в определенной зависимости от взрослых и самостоятельных детей.

Подводя итоги, надо сказать, что возраст членов семьи – это один из фундаментальных показателей структуры семейных взаимоотношений у узбеков. Совершенно очевидно, что, например, «малая» семья, во главе которой стоит мужчина 25 лет (обычно его жене – 23 года, а детям – не более 4 лет), относится к другому типу, нежели «малая» семья, возглавляемая мужчиной 50 лет (обычно его жене – 45 лет, а детям – от 10 до 30 лет). Эти семьи различаются интересами, экономическим потенциалом, всем укладом жизни. Не учитывать в данном случае возраст членов «малой» семьи просто невозможно. Если же ввести этот фактор в анализ статистических данных, то окажется, что «малая» семья, где главе 50 лет, ближе по некоторым своим характеристикам к «большой» семье, где главе также 50 лет, чем к «малой» семье, во главе которой стоит мужчина в возрасте 25–30 лет. Традиционные типологии совершенно непригодны для описания таких явлений.

Соотношение типов семьи

Какой результат получается из всего вышесказанного? Могут ли статистические материалы быть надежным свидетельством в пользу той или иной теории развития узбекской семьи? Проследив основные этапы процедуры сбора статистических данных о семейных связях, их обработки и анализа, я могу высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Первое, что сразу бросается в глаза, – это явное несоответствие собранного конкретного материала наиболее распространенным точкам зрения о развитии среднеазиатской семьи в XX столетии. Напомню, одни ученые утверждали, что за последние десятилетия доля «больших» семей уменьшалась, а доля «малых» – увеличивалась. Другие же настаивают на обратном: никакого увеличения доли «малых» семей не было и «большая» семья всегда оставалась главным типом семейной структуры в среднеазиатском обществе. Данные из похозяйственных книг, в которых отражены сведения о составе семей в селениях Корашох, Новкент, Чирмоч и Кашкар за 1924 и 1989 г., дают совершенно иную картину. Так, число «больших» семей за 65 лет увеличилось в 2–3 раза, а число «малых» семей, наоборот, уменьшилось примерно на четверть. При этом, доля «малых» семей была выше доли «больших» семей как в 1924 г., так и в 1989 г.

К этому я добавлю, что изменение соотношения между «большими» и «малыми» семьями нельзя представлять как процесс, который имеют только одну траекторию. Скорее нужно говорить о цикличности этого процесса, когда соотношение меняется то в пользу одного типа семьи, то другого. Об этом можно судить, если проследить изменение средней численности семьи за последние 100 лет. В селениях Корашох, Новкент, Чирмоч, Кашкар в 1890 г. на одно хозяйство в среднем приходилось 5 чел. (154 домохозяйства и 779 жителей)²³, в 1909 г. – 5,5 чел. (448 домохозяйств и 2674 жителя)²⁴, в 1917 г. – 4,7 чел. (498 домохозяйств и 2350 жителей)²⁵, в 1926 г. – 3,6 чел. (680 домохозяйств и 2484 жителя)²⁶, в 1951 г. – 4,8 чел. (514 домохозяйств и 2491 житель)²⁷, в 1989 г. – 8,3 чел. (664 домохозяйства и 5436 жителей).

Другими словами, в 1920–1930-е годы средняя численность семьи резко уменьшается, но не только из-за высокой смертности, как это можно предположить, но и из-за резкого увеличения числа домохозяйств при том, что общая численность населения остается практически неизменной. Эти факты явно указывают на то, что в 1920–1930-е годы происходит массовый процесс выделения молодых брачных пар из

родительских семей и формирования большого числа новых домохозяйств. Соответственно, можно утверждать, что доля «малых» семей при этом увеличивается, а доля «больших» семей снижается. В 1950–1980-е годы, напротив, резко увеличивается численность населения при том, что число домохозяйств остается примерно на одном уровне. Другими словами, в эти годы процесс выделения молодых брачных пар и формирования новых домохозяйств затормаживается. Это означает, что доля «малых» семей в селениях уменьшается, а доля «больших» семей неизбежно увеличивается.

Такая цикличность может иметь несколько причин. Первая причина связана с земельной и налоговой политикой государства. В дореволюционное время государство фактически поощряло совместное землепользование родителей и детей тем, что сбор поземельного налога передавало на уровень сельского общества, в котором еще продолжали действовать законы уравнительного распределения налогов и повинностей по дворам. В 1920–1930-е годы государство стало вводить формальные и неформальные ограничения на величину земельного надела, принадлежащего крестьянину, рассматривая размеры участка как показатель социального и даже политического статуса его владельца. Реакция самих крестьян на такую политику была вполне предсказуемой: земельные наделы стали делиться между родственниками, что вело к выделению множества новых домохозяйств. В 1950–1980-е годы государство практически перестало передавать землю в частное пользование, способствуя тем самым длительному сохранению «больших» семей-домохозяйств.

Вторая причина смены циклов, когда доли «больших» и «малых» семей то увеличиваются, то уменьшаются, связана с демографическими процессами. Об этом уже говорилось в этнографической литературе²⁸. Высокие показатели рождаемости в Средней Азии были всегда, так как женщина, с точки зрения ортодоксального исламского вероучения, не вправе предохраняться от беременности и не вправе ее прерывать. При таких условиях женщина в возрасте от 20 до 30 лет рождает чуть ли не каждые два года. Конец репродуктивного периода совпадает с появлением у женщины внуков. Однако в прошлом высокая рождаемость уравновешивалась высокой смертностью и поэтому общий прирост населения в регионе был небольшим. Демографический взрыв, т.е. огромный прирост населения, стал возможен, когда при сохранении высокой рождаемости произошло резкое снижение смертности (в том числе детской)²⁹.

В Средней Азии за последние 100 лет было два демографических взлета: на рубеже XIX–XX вв. и во второй половине XX в. Оба этих периода совпадают с периодами, когда в обществе увеличивалась доля «больших» семей и уменьшалась доля «малых» семей. При высоком приросте населения число членов семей быстро росло, сыновья взрослели, женились и некоторое время продолжали жить вместе с родителями, чему способствовала экономическая политика государства. Но затем в какой-то момент, когда политика государства изменялась, большая масса молодых брачных пар почти одновременно выделялась из родительских семей и создавала новые домохозяйства. Демографический взрыв приводил в результате к смене периода увеличения доли «больших» семей периодом увеличения доли «малых» семей.

Недавно уже было высказано вполне убедительное объяснение того, какие события породили представление о якобы имевшем место в начале XX в. формационном переходе среднеазиатского общества от «патриархальной большой» семьи к «современной малой» семье: «...недоразумение основано на игнорировании факта демографического взрыва рубежа XIX–XX вв. При ускорении естественного прироста населения Средней Азии после присоединения к России (...) произошло практически одновременное массовое «разбухание» всей совокупности авлодов [семейно-родственных групп – С.А.] (...) Результатом стало массовое разделение авлодов в конце первого десятилетия нынешнего века (...) Ситуация, которая стала предметом изучения и анализа для нескольких поколений этнографов, начиная с 1920-х годов, в сущности, являлась аномальной...»³⁰.

Демографический взлет второй половины текущего столетия также привел к

смене соотношения между «большими» и «малыми» семьями. В августе 1998 г. я вновь побывал в селении Корашох и увидел, что ситуация по сравнению с концом 1980-х годов заметно поменялась. За 9 лет общее количество домохозяйств здесь увеличилось не менее, чем в 1,5–2 раза. На месте хлопковых полей, окружавших селение, появилось много новых улиц, где живут в основном молодые семьи и где редко увидишь старика. Можно предположить, что в списках домохозяйств число «малых» семей резко увеличилось, а число «больших» семей – снизилось. Все это происходило на фоне новой земельной политики государства, которое в 1989 г. отказалось от жестких ограничений при наделении крестьян приусадебными участками.

Высказанные соображения лежат на поверхности и вполне укладываются в традиционные схемы анализа статистических материалов по семье. Более сложным является вопрос о доверии к самой процедуре типологизации семейных структур. Анализ этой процедуры показывает, что четкой границы между «большой» и «малой» семьями у узбеков нет: «...каждая отдельная семья не представляет собою застывшую определенную структурную форму – малую или неразделенную...»³¹. Деление семей на «большие» и «малые» страдает излишней, увлеченностью формальной стороной анализа в ущерб содержательной стороне. Весь имеющийся в распоряжении этнографов фактический материал о жизни семьи невозможно втиснуть в рамки типологий, созданных на основе манипуляций со статистическими данными, и жестко привязать этот материал только к двум типам семьи – «большой» и «малой».

Кстати, претензии в изрядной степени субъективности можно предъявить не только методике анализа статистических данных, но и к методам работы с другими источниками по семье. Так, в российской этнографии уже ставилось под сомнение соответствие действительности нарративных данных о преобладании большой семьи в конце XIX – начале XX в.: «...из сообщений о совместном, нераздельном и т.п. проживании женатых сыновей с родителями (...) далеко не всегда достаточно хорошо видна степень нераздельности большесемейных образований...»³². В этой связи также предлагалось не привязывать все формы семейных отношений чересчур жестко к двум основным типам семьи – «малой» и «большой» – и указывалось на наличие значительного числа «промежуточных» форм, которые нельзя отнести однозначно ни к одному типу.

Каждый тип семьи включает в себя множество форм семьи, достаточно принципиально отличающихся друг от друга характером внутрисемейных отношений. Это относится к «малой» семье, которая может быть домохозяйством, где числится всего один человек, а может быть домохозяйством, где числится молодая брачная пара с малолетними детьми, или домохозяйством, в которых числится пожилая брачная пара и их взрослые, совершеннолетние, иногда разведенные, дети. Это относится и к «большой» семье-домохозяйству, которая может включать в себя еще не старых родителей и совсем юного сына с женой, а может включать очень пожилых родителей и взрослого, самостоятельного в принятии решений женатого сына. При такой интерпретации природы семейных отношений сама постановка вопроса о том, увеличивается ли доля «больших» или «малых» семей или уменьшается, является по меньшей мере спорной. Историю развития семьи можно тогда рисовать не только в рамках оппозиции «большая/малая» семьи, но и в рамках других оппозиций – например, просто «малая» семья и «малая» семья с «другим родственником» («псевдо-большая» семья).

К этому я добавлю, что оппозиция «большая/малая» семьи, как и любая другая такого рода оппозиция, с точки зрения тех же статистических данных не является принципиальной и не определяет каких-то существенных перемен в жизни узбекской семьи. Например, когда речь идет о циклах или периодах изменения соотношения между «большими» и «малыми» семьями, то имеется в виду не абсолютное, а относительное изменение такого соотношения. Колебания доли «больших» семей происходят в пределах 10–40%, т.е. доля «малых» семей всегда остается выше, чем доля «больших» семей.

З а к л ю ч е н и е

В настоящей статье я преследовал две цели. Первая – ввести в научный оборот тот массив данных, которые были собраны мною в ходе полевых этнографических и архивных исследований. Опубликованные данные вполне могут быть использованы при описании современной узбекской семьи в традиционной для российской (советской) этнографии манере. Вторая цель – рассмотреть не столько саму узбекскую семью, сколько те статистические методы, которыми эту семью принято изучать. Эти методы относятся к технологии, которую обычно не выносят на публичное обсуждение. Чаще всего исследователи пребывают в уверенности, что работа со статистикой – это работа с объективными фактами, которые бесмысленно обсуждать. Однако такая уверенность является заблуждением, что я и стремился показать на примере лишь наиболее очевидных вопросов, которые вызывает работа со статистикой.

Типология – это общепринятый механизм классификации материала и любая типология имеет право на существование. Однако не должна забываться столь же очевидная истина: какой бы обоснованной ни была типологизация, она всегда остается лишь условным отражением действительности. Критикуя основы типологизации семейных связей, я не отвергаю этот механизм в принципе, а только предлагаю не принимать умозрительные конструкции, созданные в таких типологиях, за некую реальность. Любая типология семей имеет свою сферу применения, поэтому не следует превращать ту или иную типологию в некий универсальный метод познания.

Примечания

¹ Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 34.

² Бушков В.И., Микульский Д.В. Анатомия гражданской войны в Таджикистане (Этно-социальные процессы и политическая борьба, 1992–1996). Издание 2-е, переработанное и дополненное. М., 1997. С. 14, 22.

³ Азимова Н.Х. Система традиционного воспитания детей в узбекских сельских семьях (на примере Андижанской области). Дис. на соиск. уч. ст. канд. историч. наук. М., 1987. С. 134–135.

⁴ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 532. Л. 229об – 230. Этнографический состав населения Маргеланского уезда, с указанием мест жительства.

⁵ Список колхозов, сельсоветов и районов Ферганской области Узбекской ССР с указанием численности населения и его национального состава на первую половину 1951 года (архив автора).

⁶ Государственный архив Ферганской области Республики Узбекистан. Ф. 127. Оп. 1: Д. 187. Посемейный список землепользователей Наукентского сельского общества Кокан-кишлакской волости Маргеланского уезда (Наукент), 1924; Д. 288. Посемейный список землепользователей Наукентского сельского общества Кокан-кишлакской волости Маргеланского уезда (Кашгар), 1924; Д. 314. Посемейный список землепользователей Наукентского сельского общества Кокан-кишлакской волости Маргеланского уезда (Чирмоч), 1924.

⁷ Сазонова М.В. К этнографии узбеков южного Хорезма. М., 1952. С. 302; Ташибаева Т.Х., Савуров М.Д. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент, 1989. С. 26.

⁸ Жилина А.Н. Новое и традиционное в современном сельском жилище Узбекистана (вторая половина XIX–XX вв.). М., 1995. С. 89.

⁹ Еришов Н.Н., Кисляков Н.А., Пещерева Е.М., Русайкина С.П. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Ленинабад, 1954. С. 18; Гейнс А.К. Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов) // А.К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т. 2. СПб., 1898. С. 453.

¹⁰ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 213.

¹¹ Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран (опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области). Ташкент, 1955. С. 173.

¹² Жилина А.Н. Жилище и семья у узбеков (на материалах Ташкентской и Хорезмской областей) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 66.

¹³ Сазонова М.В. Указ. раб. С. 307; Жилина А.Н. Жилище и семья... С. 66; Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Указ. раб. С. 175.

¹⁴ Ташибаева Т.Х., Савуров М.Д. Указ. раб. С. 26.

¹⁵ Ганцкая О.А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. 1984, № 6. С. 19.

¹⁶ Сухарева О.А. Бухара XIX – начало XX в. (позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 107–109.

- ¹⁷ *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.* Современная сельская семья таджиков. М., 1992. С. 51.
- ¹⁸ *Бикжанова М.А.* Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959. С. 23–24; *Кисляков Н.А.* Указ. раб. С. 22–23.
- ¹⁹ См. подробнее: *Ганцкая О.А.* Указ. раб. С. 23.
- ²⁰ См. варианты типологий: *Жданко Т.А.* Указ. раб. С. 468; *Моногарова Л.Ф.* Современная городская семья таджиков. М., 1992. С. 51–53.
- ²¹ См. варианты типологий: *Сухарева О.А.* Указ. раб. С. 108–109; *Мирхасилов С.К.* Современная семья сельского населения Узбекистана // *Общественные науки в Узбекистане.* 1977, № 4. С. 36.
- ²² *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Указ. раб. С. 48–49; *Таиббаева Т.* К истории использования труда сроковых работников в сельском хозяйстве дореволюционного Узбекистана // *Этнографическое изучение быта и культуры узбеков.* Ташкент, 1972. С. 48, 50.
- ²³ Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. 23. Оп. 1. Д. 532. Л. 229об.–230.
- ²⁴ Этнографический состав населения Маргеланского уезда, с указанием мест жительства.
- ²⁵ Список населенных мест Ферганской области. Скобелев, 1909. С. 86.
- ²⁶ Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской Республике. Вып. 4. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 года. Ташкент, 1924. С. 68.
- ²⁷ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года в Узбекской ССР. Вып. 1. Поселенные итоги. Самарканд, 1927. С. 25.
- ²⁸ Список колхозов, сельсоветов и районов Ферганской области...
- ²⁹ *Бушков В.И.* Таджикский авлод тысячелетия спустя... // *Восток.* 1991, № 5. С. 75.
- ³⁰ *Бушков В.И., Микульский Д.В.* Указ. раб. С. 26–30.
- ³¹ *Бушков В.И.* Указ. раб. С. 76–77.
- ³² *Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И.* Указ. раб. С. 99.
- ³³ *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М., 1983. С. 25.

S.N. A b a s h i n. Statistics as Ethnographic Study Instrument

This article is founded on the material collected in several villages of Fergana valley and it offers a group of statistics data of Uzbek family for scientific analysis. The article is devoted to the considering of as Uzbek family as statistics methods which it is usual to study in Russian ethnography. The author comes to the conclusion that depends on choosing of statistics data processing principles it is possible material changing in the notion of the relations nature in Uzbek family and it let's use the same data to prove even opposite points of views.

© 1999 г., ЭО, № 1

Вл. Г. В л а с о в

СТАНОВЛЕНИЕ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. МЕХАНИЗМ ПЕРЕХОДА К «ПРОИЗВОДЯЩЕМУ ХОЗЯЙСТВУ»

Предлагаемая статья является очередной в цикле работ, посвященных формированию земледельческого общества и его культуры. В публикации, открывшей данный цикл, были представлены материалы, свидетельствующие о том, что возникновение агрокультуры связано с разведением клубне- и корнеплодов, затем в качестве основных источников питания человек стал возделывать зернобобовые (кроме злаков или с включением местных злаков – например, чумизы в Китае) и лишь на последнем этапе доместикизации освоил «классические», полиареальные злаки (пшеницу, ячмень, рис и пр.)¹. Автор не ставил задачи обосновать этот вывод, но лишь стремился показать, что культурная память человечества сохранила следы такой последовательности событий.